

ПОМНИТЕ? Донатас Локис белозубо улыбнулся, увидев подъехавших на грузовике братьев, соскочил со свежеструганных бревен строившегося моста. И как изменился он, как бешено завертелся на берегу, сжимая топор, когда узнал, что его отца убили «лесные братья». Резкий, взрывной характер сыграл Регимантас Адомайтис в фильме «Никто не хотел умирать». Это было его первое появление на большом экране.

С тех пор народным артистом СССР Адомайтисом сыграно около сорока ролей в кинематографе — в спектаклях, поставленных в Государственном академическом театре драмы Литовской ССР.

— До сих пор не могу без внутреннего трепета вспомнить работу в фильме «Никто не хотел умирать». Это, как первая любовь, которую носить в себе всю жизнь, которую оберегаешь от всего навального, никчемного. Режиссер Жалакявичюс заставил меня — это был прекрасный урок для актера — «дошкольника»! — поверить в себя, указал путь, по которому я должен идти. Этот путь — без малейших поблажек себе, путь предельной требовательности к духовному началу актера, отказа от упрощенной трактовки кинематографического и драматургического образа.

— Читателям наверняка интересно узнать, как Вы стали актером.

— Была мечта — стать артистом, свойственная, видимо, всем мальчишкам и девочкам. Но вот путь ее реализации оказался для меня архисложным. Занимался в школьном драмкружке. Жил в небольшом городке на севере Литвы — Пасвалдиси. Не пропустил ни одного спектакля приезжавших на гастроли театров. Казалось, все шло к тому, чтобы после школы отправиться в Вильнюс, на актерский факультет. Но... Поступил в Вильнюсский университет. Избрал физику.

— Убежали от мечты? А может, попросту испугались, не поверили в себя?

— И да, и нет. Во мне сидели и физик, и лирик. Школу я окончил с серебряной медалью. По физике — «пятерки». В воздухе висела пятидесятых годов витали идеи физики полупроводников, привлекало, что кибернетику, например, охавали... А лазер? Само слово, такое таинственное, удивительное, приводило

в восторг. Да и отец, открывенно говоря, подзуживал: мол, будь реалистом, какой из тебя артист... Добросовестно отучился пять лет, дипломную работу писал под руководством Юраса Пожелы, нынешнего президента Академии наук Литовской ССР, Героя Социалистического Труда. Все время копался в себе: а ту ли профессию выбрал? Поверьте, не так-то просто было бросить перспективную работу и поступить на актерский факультет Литовской консерватории... Вообще, считаю,

многому из того, что он предлагает делать актеру. Но соглашаюсь с ним и играю так, как он хочет. Значит, компромисс? А как же мои принципы? Так вот: уступая, я не теряю себя, а обретаю как бы новое актерское качество, вдруг обнаруживаю в себе нечто такое, о чем раньше и помыслить не мог. Я судил об игре со своей актерской колокольни, а режиссер — исходя из общей концепции фильма — вот в чем разница. Надо сказать, Жалакявичюс всегда четко знает, чего он хочет добиться от актера, чтобы

комедийный актер, но всегда хотелось себя попробовать в комедии, фарсе, водевиле. Решался сыграть вместе с Караченцовым в фильме «Трест, который лопнул». Что из этого вышло, вы, наверное, видели...

— В доброй половине фильмов, а также в театре Вам, как правило, приходится играть роли личностей сильных, волевых, со сложным характером. Значит ли это, что Регимантас Адомайтис — человек такой же сильный, волевой?

— Не хочу давать себе

любую губительность этой идеи, заставить его содрогнуться от ее разрушительной силы.

— Если сосчитать, сколько месяцев в году Вы бываете дома, то наберется месяцев пять-шесть. Не претит ли Вам такая кочевая жизнь?

— Действительно, нет логики в том, что я, по натуре домосед, редко бываю подолгу дома. Может, жена Эугения — она тоже актриса, певица — к моим путешествиям по белу свету уже привыкла. А вот дети, не скрою, обика-

ривый ответ. Иногда им завидую. Мне вот трудно... И чем больше играю, тем труднее.

— А не мешает ли это сопровождать Вас чувство неудовлетворенности?

— Нельзя сказать, что я вечно недоволен результатом работы. Эдак можно распространиться с уверенностью в своих силах, стать нерешительным «самоедом». Например, роль Эдмунда в «Короле Лире» Г. Козинцева до сих пор вызывает во мне ностальгическое чувство радости. На мой взгляд, получился характер живой, трепещущий, современный. Несмотря на то, что я уже немолод. Характер дерзкого честолюбца, умеющего в отличие от моего раннего героя Донатаса Локиса владеть собой. А вот роль Франсиско — в фильме «Это сладкое слово свобода» можно было бы сыграть по-другому, не так сжато и скупно. Хотелось бы хоть на мгновение приоткрыть маску, которую на протяжении всего фильма носил Франсиско, ярче высветить романтизм характера. По-моему, я слишком глубоко запрятал героичность натуры своего персонажа. Увы, уже ничего изменить нельзя.

А в повседневной жизни чувство внутреннего недовольства собой, считаю, просто необходимо. Почивать на лаврах — упаси боже!

— А чем Вы занимаетесь, когда остаетесь один? Не наскучивает ли Вам уединение?

— Каждому в определенные моменты жизни хочется побыть одному. К сожалению, давно забыл, что такое отпуск. Люблю читать. Мои любимые авторы — Марцинкявичюс, Балтушис, из русских классиков — Достоевский, Чехов. Кстати, всю жизнь мечтаю сыграть в пьесах Чехова, но, увы... Не везет мне и на Достоевского. А я себя вижу в роли Ивана Карамазова. Вполне вероятно, что эти мечты так и останутся нереализованными. Впрочем, кто знает.

Заканчиваю работу в фильме режиссера И. Поплавской «Матвеева радость», повествуя о жизни поморов. Снимаюсь и на Литовской киностудии. Словом, дел непочатый край. А значит, не зря была выбрана именно такая дорога. Я прожил столько интересных жизней, человеческих судеб...

Беседу вел
Н. ЛАШКЕВИЧ.
(Наш корр.)
Вильнюс.

Регимантас Адомайтис:

ВЫБИРАЮ ХАРАКТЕР

выбор профессии — чрезвычайно важный момент в жизни человека. Почему где-то к сорока годам мы начинаем вдруг метаться, искать ответы на вопросы, которые мучили и в ранней молодости, но теперь вдруг стали более глубокими: так ли живу, то ли делаю? Сколько еще таких людей на свете, которые покорно ходят на нелюбимую работу, выполняют ее бездумно, автоматически. И уже ничего изменить нельзя, и не повернуть годы вспять... Когда и где произошла уступка? Меня вообще очень волнует проблема выбора. Человек всегда должен найти в себе мужество признать ошибку и круто повернуть жизнь.

— Итак, Вы сумели сделать такой поворот...

— Точнее сказать, не столько сумел, сколько успел.

— Как я понял, Вы не признаете компромиссов. Но в творчестве любого актера их необычайно много. Надо подчиняться воле режиссера, хотя роль Вам видится по-другому, не лучше ли было вообще отказаться от этой роли...

— Я, например, сыграл во всех фильмах Жалакявичюса (за исключением одного — «Рассказ неизвестного человека»). Жалакявичюс — режиссер жесткий, суровый, работа с ним нелегка. Я постоянно испытывал и испытываю внутреннее сопротивление

ярче и рельефнее вырисовывалась идея картины. И эта глубоко осознанная им правота убеждает. В сущности, это не компромисс. Он появляется, если я сфальшивлю в роли, где-то расслаблюсь, позволю себе использовать актерские штампы, занавесив их псевдоэмоциями и показной глубиной переживания. Больше всего боюсь солгать в роли.

— А в жизни?

— В жизни тем более.

— Зачем же Вы соглашаетесь — правда, это бывает редко — играть в заведомо слабом фильме?

— Есть такая русская поговорка: знал бы, где упадешь, соломку бы подстелил. Недавно позвонил режиссер Альмантас Грикявичюс — я снимался у него во многих фильмах: «Факт», «Чувства» и других — и сказал, что у него в съемках фильма «Кто убил Уго?» не может участвовать один артист и что заменить его могу только я. Через несколько дней надо выехать в Аргентину для натурных съемок. Поездка в Аргентину меня не прельщала, была интересная работа в театре и другом фильме. Но согласился несмотря на то, что мне до смерти надоело играть иностранцев. Почему? Мне интересно работать с А. Грикявичюсом, мне важно творческое общение с ним. Какой будет результат, не знаю. Или: по натуре я далеко не

характеристики — сильный, слабый... Действительно, мне везло на роли сложные, интеллектуального, я бы сказал, плана. Не по душе заданность, однозначность характера. Конечно, обязательно, на мой взгляд, в создаваемом образе иметь точки соприкосновения с твоей личностью. Для меня привлекателен характер человека со скрытой энергией, которая в определенный момент вдруг прорывается. Человека, живущего напряженной внутренней жизнью.

К сожалению, в последнее время у нас развелось много пустых фильмов, эдаких милых «безделок», в которых и мысль куца, и конфликты явно надуманны и раздуты. А в современной жизни немало проблем, которые мог бы поднять кинематограф и которые пока остаются вне поля его зрения. Если откровенно, то за 20 лет работы в театре мне наиболее близки всего четыре роли: Миндаугаса и Мажвидаса в пьесах Ю. Марцинкявичюса, Франца в «Алтынских затворниках» Ж.-П. Сартра, Джорджа в пьесе Д. Стейнбека «Мыши и люди». Герои, которых я играл и играю, как принято говорить, в большинстве своем далеко не положительные. Но они несут в себе ярко выраженную идею, за которую борются яростно и неукротимо. Это привлекает. И вместе с тем важно донести до зрите-

ля, особенно младший Миндаугас. Пока трудно судить, кем станут мои мальчишки. Во всяком случае в них преобладает Адомайтис — физик, технар. Витаутас увлекается моторами любой конструкции, Гедиминас вечно что-то изобретает, а пятилетний Миндаугас пока лишь пытается «украсть» у старших братьев все их технические идеи и воплотить их в жизнь...

— По-моему, Вы несколько жалеете, что потеряли пять лет в поисках своего места в жизни...

— Но если разобраться, годы, проведенные в мире физики, дали мне многое. Впервые, заставили подходить к решению любой задачи серьезно и неординарно. Вторых, научили как бы изначально рассчитывать конечный результат, анализировать каждую роль, используя при этом не только сердце, но и ум. Интуиция — поводья импровизации на театральной сцене. Но она приходит, убеждался сам, если копаешься в глубь роли, мучаешься в поисках правды образа. Меня всегда поражает, как иные молодые актеры сегодня так много умеют делать. Профессионалы, уверенные, смелые, на любой вопрос имеют гото-